

О. Н. Владимиров

Новокузнецк, Россия

**«ПО ЭДГАРУ ПО»: ВОРОН И ЕГО «НИКОГДА»
В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX–XXI ВЕКОВ**

Рассматриваются реминисценции из баллады «Ворон» Э. По и выявляются их функции в русской поэзии XX–XXI вв. В диалоге с Вороном заметно стремление героев вырваться из круга предсказуемых вопросов и ответов. Непреклонность вещей птицы даёт возможность так или иначе понимать её однословный возглас, приходиться к различным, в том числе парадоксальным, художественным решениям.

Ключевые слова: реминисценция, символика ворона, диалог, лирический сюжет, интерпретация.

О популярности баллады Э. По «Ворон» в русской литературе свидетельствуют не только её переводы, профессиональные и любительские (см.: [1]), пародии и стилизации. Особый интерес представляют многочисленные цитатные обращения к «Ворону» в оригинальных произведениях, так или иначе использующих сюжетную схему романтического первоисточника.

На присутствие Ворона в русской поэзии указывает, в частности, В. И. Черденченко, называющий авторов без заглавий их стихотворений [2, с. 190]. Ещё один перечень текстов, с разной степенью интенсивности воспроизводящих образность «Ворона», приводится в Википедии ¹.

Дополняют, но не исчерпывают эти списки следующие произведения: «Разговор с комсомольцем Н. Дементьевым» Э. Багрицкого, «Хорошо в лесу влюбленном...» Б. Кенжеева, «Ворон Эдгара По» В. Синкевич, «Ладно уж, мой юный друг...» (Из книги «Апоуг, Ехил...») Т. Кибирова, «Ворон» А. Переверзина, «Европа не стоит трудов, чтобы ехать туда...» В. Русакова. Кроме «Жоры Кошкина», балладный образ значим в другом стихотворении Ю. Мориц – «Славный ворон»,

¹ URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Ворон_\(стихотворение,_1845\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Ворон_(стихотворение,_1845)) (дата обращения: 03.05.2013).

Владимиров Олег Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Кузбасской государственной педагогической академии (п/о 11, а/я 31, Новокузнецк, 654011; vlatdi-oleg@yandex.ru; +7 (384 3) 62 79 18)

и в трех ее «рассказах о чудесном» – «Свет разума», «Право на шанс», «Шок и обморожение».

Влияние сюжета «Ворона» на русскую литературу XX в. объясняется, в частности, следующими причинами. С «Вороном», как отмечает В. И. Чередниченко, «связан целый комплекс устойчивых культурных представлений, передающихся от одного поколения к другому» [2, с. 189]. К этим культурным представлениям, вероятно, следует отнести столкновение рационального и иррационального начал бытия, извечное стремление к преодолению смерти, художественные возможности диалога, содержательность поэтических приёмов, символику птицы и др.

В поэзии рубежа XIX–XX столетий, в частности в творчестве русских символистов – переводчиков этой баллады, а затем и на протяжении всего XX в. актуализируется значимая для американского романтика идея единства любви и смерти.

Обращения к «The Raven» Э. По не могли не быть связанными с символикой ворона (вороны), развитой в русской поэтической традиции и восходящей к фольклору. Эта причина востребованности «Ворона» является и особенностью текстов, с ним соотнесённых. Так, в стихотворении Э. Багрицкого «Разговор с комсомольцем Н. Дементьевым» появление «пресловутого ворона», символизирующего «старую романтику»:

Пресловутый ворон
Подлетит в упор,
Каркнет «nevermore» он,
По Эдгару По...
«Повернитесь, встаньте-ка...
Затрубите в рог...»
(Старая романтика,
Черное перо!), –

подготовлено упоминанием этой птицы как традиционного спутника войны и смерти: «Только ворон выслан / Сторожить в полях...» [3, с. 28]. Символика ворона, скорее традиционная, чем связанная с балладой По, заметна в «Ответе Эдуарду» Н. Дементьева, в «картине» войны:

А после
над страхом, нависшим внизу,
Багетами скомканных штор,
Не вор и не ворон –
посеет грозу
Крикливый двукрылый мотор. <...>
Изложут и выключают
сердце мое,
Замолкшее
в этом бою.
Разруха повеет крылом вороним [3, с. 148].

Традиционный фольклорный и отсылающий к «The Raven» Э. По образы вороны (ворона) и Ворона переосмысляет «проворонивший» личное счастье герой стихотворения П. Мелехина «Не имею кольца Соломона...»:

Не мрачнее мы прочих, по сути:
То про нас знаменитый Эдгар

По
напутал, а я – перепутал
И тобою лишь кур испугал [4, с. 692].

Графика третьей строки этого четверостишия допускает её двоякое понимание. «По» может быть продолжением имени американского писателя (...Эдгар / По...) или приставкой в глаголе «понапутал» (...По / напутал...). Во втором случае эта приставка усиливает значение глагола «напутал» (наделал ошибок), а не только графически обыгрывает фамилию. Следующий глагол с приставкой пере-, снимая значение предыдущих префиксов, отменяет привычную символику птицы. Смена этих однокоренных глаголов («понапутал – перепутал» или «напутал – перепутал») поддерживается в последнем четверостишии градацией восклицаний лирического «я». «Невермор» в сильной позиции конца стихотворения снимается в значении «никогда не быть горю и беде»:

И когда, с ветерком озуруя,
Черной стрелкой ты мчишься в зарю, –
«Ничего!» – вслед тебе говорю я,
«Невермор!» – я себе говорю [4, с. 692].

Непрененно отрицательное ответное восклицание Ворона снимается здесь и в других случаях прямо противоположной или более сложной реакцией лирического «я». Это ещё одна особенность русских поэтических откликов на «Ворона», выявляющая заложенный в первоисточнике диалогический потенциал. «Недоверие к окончательному “нет” в “Вороне”, – утверждает В. И. Чередниченко, – и формирует тот пафос вопрошания, который по своей художественной силе превосходит пафос отрицания. Можно сказать, что ВОПРОС в “Вороне” не только онтологически первичен, но и онтологически значимее ответа» [5, с. 175]. Но именно непреклонность Ворона даёт возможность так или иначе понимать его однословный ответ, приходиться к различным художественным решениям.

Одно из них предлагает Ю. Левитанский в стихотворении «Как зарок от суесловья, как залог...». Выделение «голоса птицы из породы Невермор» среди других приморских звуков подготовлено здесь распространением метафоры, уподобляющей творчество морю. Их соприродность подчёркнута рефреном «*Море входит в эту книгу, как...*» (в первой строфе – «*в эту книгу входит море...*») и самим этим приёмом. В группу повторов, отсылающих к стихам Э. По, входят также анафоры, однокоренные слова; лексические повторы с усложнением, сквозной [р] в рифмах всех строф, строка «его (моря. – О. В.) говор, его горечь, его речь» в первой и шестой строфах. «Невермор» созвучно не только словесному ряду «северное море», «север – северные – северных», «говор – горечь – речь», но и – как «голос птицы» – другим звукам природы: говору моря, «сосен северных негромкому разговору», «голосу камня, голосу ветра и воды». Неразделение творчества и природы соотнесено с единством времени и пространства в диалогических конструкциях «*Где мы виделись когда-то? Невермор. / Где мы встретимся с тобою? Никогда*»: ответ, предполагающий в соответствии с вопросом указание места, имеет временной характер. Более того, глаголы прошедшего и будущего времени в соседних вопросах размыкают видимое и происходящее в «бесконечность», передают вневременность («бессрочность») встречи. Поэтому акцентированное отрицание Ворона звучит здесь парадоксальным подтверждением вечности встречи, происходящей здесь и сейчас:

Сюжет и методы его описания

Это значит, что бессрочен этот срок.
Это время не беречься, а беречь.
Это северное море между строк,
его говор, его горечь, его речь.

Это север, это северные льды,
сосен северных негромкий разговор.
Голос камня, голос ветра и воды,
голос птицы из породы Невермор [6, с. 168].

Остроумно обыграна реминисценция из По в стихотворении А. Переверзина «Ворон»: строка, воспроизводящая название кинофильма Л. Семпле и Э. Кершнера 1983 г. «Никогда не говори “никогда”» («Never Say Never Again»), отсылает и к «Raven»:

Утро. Последняя гаснет звезда,
вран на столбе примостился.
Не говори никогда «никогда» –
я вот договорился [9, с. 6].

Двойная цитата здесь, соответствующая двойному же отрицанию, утверждает героя в его чувстве: «...да, я живой, я тобою живу. / Только тобой прозябаю» [7, с. 6].

Т. Кибиров грозный возглас ворона заменяет на не менее радикальное «forever!» (навсегда), иронически переосмысляя привычный драматизм любовной проблематики баллады Э. По и ее многочисленных переводных версий:

Но ведь не о том письмо!
Это скучное дерьмо
недостойно гнева!
Каркнул ворон: «Nevermore!»
Хренушки – forever! [8, с. 459].

«Хренушки» кибировского ворона стилистически перекликается с «А на фига?!» – ещё одним аналогом знаменитого рефрена – в стихотворении А. Вознесенского «В час отлива возле чайной...» («Оза. 6»).

Ворон в данном случае обретает право голоса, но лишь для того, чтобы его «никогда!» («а на фига?») стало пусть и развёрнутым, но по-прежнему однозначно отрицательным ответом на традиционный вопрос. В то же время ответ Ворона – небезосновательно суровый приговор человеку, не знающему цели и смысла жизни, неизменно приводящей к смерти:

Он ответил: «Всё – мура,
раб стандарта, царь природы,
ты свободен без свободы,
ты летишь в автомашине,
но машина – без руля...

Оза, Роза ли, стервоза –
как скучны метаморфозы,
в ящик рано или поздно...
Жизнь была – а на фига?!» [9, с. 126].

Сожаление о том, что птица, всеведущая, мудрая, не может стать человеком («Мне жаль вас, птица, / человеком вам родиться б...»), перерастает в осознание её ограниченности, невозможности понять героя, стоящего перед выбором, знающего о широком спектре своих возможностей, в целом – о необъяснимом «чуде жить»:

Как сказать ему, подонку,
что живём не чтоб подохнуть –
чтоб губами тронуть чудо
поцелуя и ручья!

Чудо жить – необъяснимо.
Кто не жил – что спорить с ними?!

Можно бы – да на фига? [9, с. 126].

Всеведение птицы оказывается ущербным, лишенным многовариантности непредсказуемой жизни. Диалога, по сути, нет: лирическое «я» и ворон говорят на разных языках. Повторение героем, как и в первоисточнике, возгласа его оппонента – «а на фига?!» – является знаком не соглашения с Вороном, а отторжения его доводов.

«Упорен» чёрный ворон и в диалоге с героем С. Липкина. Здесь он, в отличие от своего собрата-мизантропа из стихов Вознесенского, настаивает на греховности героя, который «золотник святого дара сделал вещью для базара», «мастерил свои товары, чтоб купили янычары», и грозит ему карой. Лесная дорога является метафорой творческого восхождения, а сопутствующий чёрный ворон – бескомпромиссной совестью, диалог с которой не только убеждает героя в верности своему дару:

Говорю я: – Трехсолетний, это все навет и сплетни,
Есть ли в мире безответней и бессребренной меня?
Не лабазник, не приказчик, золотник я спрятал в ящик, –
Пусть блеснет он, как образчик правды нынешнего дня, –

но и открывает перед ним новые духовные возможности:

За деревней малолудной, свой подъем окончив трудный,
Я вступаю в край подспудный, но душе открытый лес.
Кто там, кто там за болотом? Ворон, ты ль за поворотом?
Ты ль деревьям-звездочетам поклонился – и исчез? [10, с. 155].

Такое понимание взаимоотношений участников диалога в стихах С. Липкина соотносимо с мнением В. И. Черденченко, считающего, что «куда логичнее сближать Ворона с “alter ego” героя, чем с памятью... Сближать, но ни в коем случае не отождествлять: Ворон действует как самостоятельный персонаж...» [5, с. 172].

В основном тексте стихотворения нет прямой отсылки к балладе По (привычного рефрена), но о ней напоминает заглавие «По Эдгару По», совпадающее со строкой Багрицкого, предцезурные внутренние рифмы в каждом двестишии всех строф, созвучные окончаниям нечетных строк (магистрала – лежали – печали; чапыжник – булыжник – чернокнижник и т. д.). Кольцо в заглавии, образованное предлогом и фамилией, соответствует системе повторов в балладе-источ-

нике (фонетических, лексических, сюжетных) и её пространственно-временной замкнутости.

Знаком неустанного онтологического вопрошания лирического «я» является возглас Ворона Э. По, приписанный вороньему карканью, в стихотворении Б. Кенжеева «Хорошо в лесу влюбленном...». «Хрип вороний под дождем», что «по-прежнему невесел», тень от взвившейся «черной стаи» – лишь «одна загвоздка» для всё «высчитавшего и взвесившего», вроде бы «избавившегося от печали» героя. Чуткий слух и зрение героя Б. Кенжеева улавливают эти диссонансные приметы в совершенстве природы и её согласии с человеком, а память услужливо подсказывает поэтическую формулу недостижимости желанного умиротворения:

Как там сказано в балладе?
Nevermore – и боль в виске.
Не кричите, Бога ради,
на английском языке... [11, с. 12].

Ещё одна функция Ворона и его сакраментального восклицания – воспитательная – подчеркнута в произведениях Ю. Мориц. В детском стихотворении «Жора Кошкин» ворон, защищающий воронёнка, наказывает маленького хулигана, поставив его на место похищаемого птенца. Эта смена ролей похитителя и жертвы поддержана сменой звукоподражательных глаголов, относящихся к человеку и птице, – «хмыкнул» и «каркнул», и возгласов Жоры Кошкина и ворона – «Ерунда!» и «Никогда!»:

«Ни за что теперь не трону
Ни сороку, ни ворону!»
Ворон хмыкнул: «Ерунда!»
Жора каркнул: «Никогда!» [12, с. 147].

В рефрене стихотворения «Славный ворон»: «я кладу на них с прибором, / как сказал бы славный Ворон, / возопивший “Никогда!”» – «они», те, на кого героиня Мориц «кладёт с прибором», – «свора с вором, / липких масок ерунда» [13, с. 32]. Ворон «славный» не только в значении «знаменитый»; он, как и его автор, симпатичен героине, потому что известный возглас принят ею как ёмкая отповедь всему неприемлемому в современном мире.

Рассматривая здесь произведения с прямым цитированием «The Raven», с явными к нему отсылками и отграничивая эти тексты от пародий, стилизаций, подражаний, вольных переложений, отметим условность границ между реминисцентностью и стилизацией в отдельных случаях (см. стихи Липкина и Вознесенского).

Отдельный исследовательский сюжет может составить обращение к произведениям с предположительным воздействием стихотворения Э. По. К ним относятся бунинский «Сапсан», рядом общих мест напоминающий «Ворона», «Зимовье ворона» М. Зенкевича, автора одного из признанных переводов баллады По, «Соломинка» О. Мандельштама. В последнем стихотворении исследователь обнаруживает «анаграмму nevermore: “не вернешься” (в стихотворении – «не вернется». – О. В.), как бы кодирующую... музыкальную технику повторов» [14, с. 146]. К доказательствам влияния Э. По (и преимущественного – именно «Ворона») на «Соломинку» следует отнести не учтённый Л. Пановой мандельштамовский перевод стихотворения Георгия Леонидзе «Автопортрет» («Я варвар, я хазар, я сарацин...») с заключительной строкой «...Я *черный Nevermore* последнего трамвая». Примечательна перекличка Nevermore и анаграмматического «не вер-

нется» («... Убита жалостью и не вернется вновь») в последних строках оригинального и переводного стихотворений.

Как важный смысловой акцент Вороново «Никогда» (Nevermore) или его аналоги часто звучат и обыгрываются в сильной финальной позиции (стихи П. Мелехина, Ю. Левитанского, Б. Кенжеева, Т. Кибирова, А. Переверзина, «Странный гость» И. Иргеньева, «Диалог с вороном» А. Логинова), если не воспроизводятся как рефрен (стихи А. Вознесенского, Ю. Мориц, «Ворон» Н. Глазкова, «Ворон» А. Есенина-Вольпина, «Обкаркались» Д. Быкова). Вместе с Вороном и его возгласом русские поэты заимствуют у Э. По различные повторы (анафоры, аллитерации, внутренние рифмы, рефрены и др.). Не обойдена вниманием фамилия поэта, совпадающая с русскими предлогом и приставкой (стихи П. Мелехина и С. Липкина, в «Вороне Эдгара По» В. Синкевич имя и предлог зарифмованы). К указанным случаям добавим звуковую и смысловую переключку близких по звучанию с «вороном» слов в стихотворении В. Высоцкого «История болезни»: «ворон – проворен», «Nevermore – морг» (ср. однокоренное с «вороном» «проворонил» у П. Мелехина). Из «Ворона» перенят контраст белого и чёрного: у В. Высоцкого «белое плечо» – «ворон», у Н. Глазкова «черный ворон, черный дьявол» – «белый мрамор», – способствующий драматизации переживаний героя или усиливающий его противостояние в диалоге с птицей.

Присутствие «Ворона» Э. По в русской поэзии требует дальнейшего изучения, но не будет преувеличением предварительный вывод о том, что реминисцентно-аллюзивная отзывчивость «Ворона» многофункциональна. Вестник неумолимой судьбы, Ворон не только актуализирует любовные переживания героя, но и стимулирует его к дальнейшим поискам, напоминает о его даре или о «чуде жизни», подтверждает его решение или приводит к противоположной реакции. Их диалог условен, потому что герою известна категоричность Ворона, передаваемая в однословной и предсказуемо отрицательной реплике. Поэты пытаются выявить смысловый объём Воронова «никогда», находя в этом отрицании нужные для себя значения. Так или иначе, герои в русских стихотворениях преодолевают тотальную безвыходность их романтического предшественника.

Список литературы

1. *Чердниченко В. И.* «Ворон» Эдгара По: в поисках русского ответа // По Э. А. Ворон. М.: Наука, 2009. С. 192–362.
2. *Чердниченко В. И.* «Ворон» Эдгара По как социокультурный феномен: от предпосылок к последствиям // По Э. А. Ворон. М.: Наука, 2009. С. 176–191.
3. Путешествие в страну Поэзия: В 2 кн. / Сост. Л. А. Соловьева, Д. А. Семичев. Л.: Лениздат, 1968. Кн. 2. 536 с.
4. Русская поэзия. XX век. Антология / Под ред. В. А. Кострова. М.: ОЛМА-Пресс, 1999. 926 с.
5. *Чердниченко В. И.* «Ворон» Эдгара По: мир как вопрос // По Э. А. Ворон. М.: Наука, 2009. С. 147–175.
6. *Левитанский Ю. Д.* Зеленые звуки дождя: Стихи, письма, дневники. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 400 с.
7. *Переверзин А.* Не говори никогда «никогда»... // Литературная газета. 2010. № 31. С. 6.
8. *Кибиров Т.* «Кто куда – а я в Россию...». М.: Время, 2001. 512 с.
9. *Вознесенский А. А.* Тьма. М.: Время, 2008. 608 с.
10. *Липкин С. И.* Лунный свет: Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1991. 252 с.

Сюжет и методы его описания

11. *Кенжеев Б.* Из семи книг: Стихотворения / Сост. П. Крючкова; послесл. С. Аверинцева. М.: Независимая Газета, 2000. 256 с.
12. *Мориц Ю. П.* Большой секрет для маленькой компании. М.: Малыш, 1987. 240 с.
13. *Мориц Ю. П.* Таким образом: Стихотворения. СПб.: Диамант; Золотой век, 2001. 248 с.
14. *Панова Л.* «Уворованная» Соломинка: к литературным прототипам любовной лирики Осипа Манделштама // Вопросы литературы. 2009. № 5. С. 111–151.

O. N. Vladimirov

Novokuznetsk, Russia

**«PO EDGARU PO»: THE RAVEN AND ITS «NEVERMORE»
IN THE RUSSIAN POETRY OF THE XX–XXI CENTURIES**

This article examines the reminiscences from «The Raven» by E. A. Poe and enlightens their functions in the Russian poetry of the XX–XXI centuries. In the dialogue with the Raven the heroes seek to escape from the circle of predictable questions and answers. Inflexibility of the prophetic bird gives the chance to understand in some way its brief exclamation and to come to different artistic decisions, including paradoxical ones.

Keywords: reminiscence, the symbolism of the raven, dialogue, lyric plot, interpretation.

Vladimirov Oleg N. – candidate of philology, associated professor of the department of Russian language and literature of the Kuzbass Pedagogical Academy (p/b 31, Novokuznetsk 654011; vladi-oleg@yandex.ru; +7 (384 3) 62 79 18)